

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ

Пятьсот лет тому назад полей шторма в Белое море была заштранена английская торговая шхуна капитана Шанселлера. Село Архангельское, живописно расположеннее в устьи Северной Двины, привлекло внимание иноземца не белыми ночами и суворой красотой померсского пейзажа. Бородачи в лыковых лаптях по склонной цене отдавали купцу пушистые медвежьи шкуры, ворвань, деготь и мочалу, а также замечательную рыбу красного цвета.

Английские купцы отметили на картах новый источник обогащения и вследствии стали плавать ко всем берегам бурного холодного моря.

Российские же торговые люди learnedлись забираться на дальний север. Только в середине девятнадцатого столетия учили выгоду колонизации берегов Белого моря.

Купец Савин приехал на Канельский берег с небольшим запасом слов, почерпнутых из пограничного справочника «Наши соседи», составленного А. Старчевским.

Чаще всего Савин говорил карелам, промышлявшим оленеводством и рыбной ловлей:

«Анна мишла шиши лавка и шиши торгунда», что означало: «Передай мне свою лавку и свою торговлю».

Вскоре Савин скупил все рыбные промыслы близ озера Кереть и обрудовал несколько парусных судов для перевозки рыбы в Архангельск. Зажил купец недурно. Рыбы в бухте было вдоволь. Кета, семга, сиг, беломорская семга. В просторной пятитицентной избе купца вызывал восхищение и зависть рыбаков диковинный аппарат для кипячения воды. В середине аппарата была трубка для еловых шишечек, а вокруг трубы в медном цилиндре бурлила вода, которую купцы и соловецкие монахи, покрякивая, пили, подкрасив черными листиками неизвестной китайской травы.

Одновременно с появлением в Белом море шхуны капитана Шанселлера рыбак Борис Коргуев поселился в безветреной бухте южнее Кандалакши и основал селение, назвав его Керетью, по имени близлежащего озера.

Судьбы купца Савина и потомка Коргуевых Матвея Михайловича Коргуева скрестились в 1893 году.

Вдова Коргуева работала на поденке купца Савина за пятнадцать копеек в день. Денег, конечно, не хватало, и семидесятному Мотьке пришлось несколько зим по миру с корзинкой ходить, а летом рыбач-

чить у крестьян. Ну, какой из него рыбак! Силенки едва хватит тоню завести. Зимой дрова пили да возил на дровнях. А уж если олень рванет да тяж сорвет, то, бывало, дают Мотьке «на колодку» как следует.

В восьмилетнем возрасте любознательного Мотьку потянуло проводить, что делается на свете, узнать, как и чем люди живут, и попросил он мамку послать его грамоте учиться.

— А на что тебе грамота? — строго спросила старуха. — Кормиться

таскали. Тяжела эта работа была для мальчишки.

Поваренок Коргуев на паруснике «Сережа», помимо чистки картошки и мытья посуды, обязан был выполнять и матросскую работу. В девятибалльный осенний шторм, когда волны бросали с борта на борт утюе суденышко, груженное мукою и сушкой, и вся команда работала на палубе, убирая паруса, поваренку, как самому незначительному человеку на судне, полагалось лезть на мачту и убирать четвертый, самый высокий парус — брамсель.

Мотька карабкался по шатающейся мачте к самому гику, еле держась на выбленах.

Мальчика, привыкшего к шлепкам и сердитым окрикам десятников сплавных пунктов и мелких почтовых чиновников, удивила и заставила задуматься о душе человеческой грубо-доброта матросов.

— Иди, иди, парень... Без тебя управимся!

Страшно было видавшим виды матросам подвергать мальчишку смертельной опасности.

А после бури в кубрике он, застыв дыхание, ловил каждое слово страшных матросских рассказов о летающих рыбах и призраках.

Несколько лет плавал Мотька на паруснике, всякой ломки повидел, шторма и дрейф узнал. Тридцать три года проработал на рыбных промыслах и сплаве Матвей Михайлович Коргуев.

От муки из перемолотой сосной коры часто болел рвотой. Рыбу потрошил — пальцы в кровь раздирали.

Во времена войны решил пойти на постройку Мурманской железной дороги. Народу здесь повидал уйму. Всевозможные люди здесь бывали — и вятские, и новгородские, и сибирики, и даже пленные австрийцы.

По вечерам, когда стихали окрики десятников, строители усаживались у полотна новой дороги и за табачком рассказывали самые невероятные истории.

Матвей слушал и, — тут сказался родовой талант семьи Коргуевых, — слово в слово все запоминал.

И потом, бывало, на плотницких работах подведет живот от голода работничкам, заскучают, задумаются, а Матвей и говорит:

— Ну, слушайте, сказку раскажу!

И слушали, застыв дыхание. Занимательно говорил Матвей.

Почту надо везти зимой в Кемь. Почтари да мужики злы. Мороз сорок восемь градусов, вынуждены режут.



М. Коргуев

— Расскажи-ка, Матвей, сказку, пока коней запрягаем.

И спять Матвей рассказывает, а у почтарей и мужиков словно от сердца отойдет, улыбаются.

На прокладке дороги в Кандалакше повстречал Матвей такого Федора, по прозвищу Вягский, балагура да рассказчика. От него Матвей и услыхал сказку о Францелле Бенцизиане, и очень любили поморы, когда Матвей сначала поднимет глаза к небу, отчего сбегутся морщины на коричневом, обветренном либу, ухватит в горсть правой руки бороду, откашляется и начнет тихим голосом:

— В Гишинском королевстве жил да был король Брамбеус...

Знал Коргуев всякие лесные приключения.

Муравейники с северной стороны обрастают, а с южной — копошатся. Все падуны по звуку за три версты различал. Без компаса бродил он по лесам, и ни разу не случалось ему заблудиться. Даже геологам тропы указывал. Жил он с природой лесной в тесной дружбе.

В лесных чащах Коргуев услыхал и запомнил сказку о рыцаре «Золотые кудри». От кэрела Таппниса узнал он сказку об Иване Авдеевиче и перевел с карельского на русский язык несколько доселе неизвестных сказок.

Особенно любили рыбаки сказки про попов да богатей, а таких сказок Матвей рассказывал больше полусотни. Богач и поп перед глазами. Сказка сама рождается от горькой доли.

Когда у Матвея подросли дети, он стал брать их с собой на тоню. Был на островке у него амбарчик и печка. Кормил он ребятишек птичьими яйцами, а поездку на тоню приурочивал к Николину дню, когда солнце на побережье почти не заходит, а чайки яйца кладут.

Сынишка — белоголовый мальчионок, который теперь в Красной Армии танкистом — требовал сказку. И Матвей, сидя на ветреном побережье, глядя на проходящие пароходы, рассказывал про «зиму на хоромах», про блуждание двух друзей в мятель и выигру.

И вспомнился дед, работавший почтарем, вспомнилось, как сам он, Матвей, по озерам да жухлым лесным тропинкам ямщиком ездил с колокольцами.

Тут только и осенило, и мелькнуло в голове у Матвея, что сказки-то эти про крестьянское житьё-бытье сложены.

«Зима на хоромах» — это и был входной дом — зимник для отдыха ямщиков.

Ясное северное лето проходило в работе и рассказах. Был Матвей ужище да невод, багор в руки и шел на берег.

Когда возвращался в Кереть, ходил на игранки да супрядки рассказывать сказки.

Вся изба затихала. Только нерпячий жир в сальничке на гвозде потрескивал, тускло освещая девушки, вязавших сети.

В 1919 году на Белом море появились английские крейсера. Англичане не позабыли о первом доходном плавании капитана Шанселлера. Уж очень богат был Северный край. И в Карелии одновременно подняли голову притаившиеся враги; бывшие купеческие приказчики и регенты указывали белым, пришедшем вместе с англичанами, на потаенные медвежьи лога, где укрывались крестьяне от их насильтственной мобилизации.

Коргуева также забрали и отправили в Кемь на охрану железной дороги, которую он сам когда-то строил. Но ефрейтор местной команды узнал от жителей, что «Мотька Коргуев враль первостатейный», и не велел посыпать его в наряд.

— Будешь мне на ночь романы рассказывать, — приказал он.

И Коргуев рассказывал. Но ефрейтор быстро засыпал. Тогда Кортуев, сняв сапоги, прокрадывался в сени, а потом на задворки, где сидел с солдатами до петухов, рассказывая им все, что знал.

— А дальше что, дядя? — с раскрытым ртом воскликнул солдат, если Коргуев, как того требовало повествование, делал паузу и неторопливо свертывал цыгарку из табака, услужливо поднесенного слушателями.

— Не мешай. Сказка себя покажет, — сурово заявлял Коргуев, и его слушались больше, чем ефрейтора.

По утрам он уходит в лес. Вокруг шумят могучие карельские падуны, стучат клювами о кору дятлы, токуют тетерева, и ведут нескончаемую песнь дергачи.

Коргуев работает. Он обдумывает новую сказку. Но он не может сесть к столу и записать ее. Он не-грамотен и потому бродит по лесу, зачумая придуманные фразы, которые завтра превратятся в стройные повести о замечательных людях и слuchаях.

Здесь, среди кондовых мачтовых сосен, изузоренных розовыми лучами северного солнца, трудно произзвучать фальшивому, невесомому слову.

— Не то, не то, — шепчет Коргуев, — другое нужно тут.

Он корректирует свои сказки устно и запоминает в самом удачном варианте.

Так создается сказка. Она рождается в сосновых перелесках, когда человек припомнит свою долгую, извилистую жизненную дорогу.

С неповторимой ясностью встают образы попутчиков, с которыми

приходилось делить черствую краюху хлеба, спать под одной шинелью, вместе ходить на зоря и на врага.

Сказочник думает так, как думают его земляки, как думают люди, которые привыкли дышать вольным воздухом родных лесов, люди, которые поют тихие задушевные песни по вечерам у своих росистых палисадов.

Суровые бородачи с огрубелыми пальцами мечтают вслух, и их мечты, их видения и воспоминания претворяются в красочные народные сказания.

Солнце уже садится за валуны. Коргуев возвращается домой.

— Ах, рыба! — рассеянно повторяет он вопрос жены. — Клён был недурной, только не до рыбы мне сегодня, милая. Вот послушай, как теперь получилась тая сказка. Так как будто складнее.

И старуха усаживается на пороге, а Матвей Михайлович принимается за рассказ.

Уже стихли в лесу звери и птицы, уже около избы Коргуева собрался народ. Соседи слушают сказочника, затаив дыханье. Коргуев уводит их в чудесный мир красок и мечтаний о чудо-богатырях, бабе-яге и красавицах внешности несравненной. Это величавый эпос русского народа, волшебная шкатулка, ключи от которой хранятся в руках Коргуевых, Коньковых, Крюковых — лучших былинников нашей страны.

Двадцать первого мая этого года Матвей Михайлович вступил в партию.

Когда он впервые попал в Москву, куда раньше не знал и дороги, и увидел своими глазами замечательные сооружения красной столицы, то вспомнил всю свою тяжелую, суровую жизнь, и ему хотелось быть не только хранителем сказок, но и творцом, создателем новых сказаний о нашем времени.

— Я хочу сочинить сказку о метро, — сказал он, поднимаясь на эскалаторе станции «Дворец Советов». — Пусть знают все наши потомки о том, как строилось это великое подземное государство.

И Матвей Михайлович, вернувшись к себе в Кереть, начал работу над сказками о Чапаеве, о метро и о папанинцах. Эти темы подсказала ему новая жизнь, новые впечатления.

Пятидесятишестилетний Коргуев рассказывает свои сказки в огромных аудиториях нашей страны. Его слушают рыбаки Кандалакши, пионеры Петрозаводска, рабочие Комодоги, трудящиеся Ленинграда и студенты в Доме народного творчества в Сокольниках.